

Он нанес последний удар, потряс окровавленным кулаком и встал на дрожащие ноги.

Потери, понесенные в этой битве, не были легкими, и не будет преувеличением сказать, что он использовал все, что имел.

Толпа все еще пребывала в благоговейном молчании, переводя взгляд с окровавленного тела Кегоку на изуродованное месиво порезов и синяков, которым был Морохира.

Хотя он шатался на ногах и невероятно устал, он все еще заставлял свое тело выполнять какое-то действие, и его рука медленно поднималась вверх.

Он достиг вершины, и был показан сжатый кулак, означающий его победу.

Только тогда люди вспомнили, как использовать свои голоса, и со всех сторон раздались радостные возгласы.

Даже те, кто поначалу не поддерживал его, болели за него. Они были поражены силой воли, проявленной человеком, который был в невыгодном положении, и получил травмы, которые большинство из них не могли вынести, и все еще продолжал выигрывать бой.

- ХОРОШИЙ БОЙ, МИУРА-САН!

Они кричали.

Легкая улыбка осветила губы Морохиры, когда он получил одобрение своего народа.

Затем он начал слабеть и дрожать, действительно использовав все, что у него было.

Но когда он уже собирался упасть на землю, то почувствовал, как чья-то рука поддерживает его.

Он повернулся, чтобы украдкой взглянуть на Генге, и заметил на его лице непроницаемое выражение.

Он выдавил из себя несколько слов, пытаясь успокоить беспокойство, которое, как он знал, испытывал его сын.

- Я победил, сынок ... мы победили.

Видя, в каком состоянии находится его отец, после такой жестокий драки, но все еще заботящийся о своей семье в первую очередь, его глаза начали слезиться, и прежде чем он понял, что делает, он крепко обнял старика.

- Я горжусь, папа ... очень горжусь. Ты спас нашу семью.

Застигнутый врасплох объятиями сына, он все еще улыбался несколько мгновений спустя. Родственные узы, которые они чувствовали, укрепляясь только благодаря совместному преодолению невзгод, были трогательным чувством, которое заставляло даже самых холодных мужчин озаряться улыбкой.

Фукуку и остальные члены семьи были заняты тем, что пробирались на ринг в таком же беспорядке - если не больше - как и Генге.

Он отошел от отца, удовлетворенный, с улыбкой, все еще твердо сидящей на его лице, и его

место немедленно заняла эмоциональная Фукку.

Ее лицо было залито слезами, которые продолжали течь, но улыбка все еще пыталась пробиться сквозь них. Она бросилась к Морохире, забыв о его слабом состоянии, целуя его снова и снова, позволяя ее супругу понять огромное облегчение, которое она чувствовала.

Масацу и Рин подошли к Генге, с нежными улыбками наблюдая за происходящим.

Все сложные эмоции, проходившие через их сердца, заставляли их чувствовать себя старше, чем они были на самом деле.

Рин склонила голову на грудь Генге, используя его рукав, чтобы высушить ее заплаканное лицо, прежде чем крепко обняла его за руку.

Он нежно погладил ее по голове, полностью понимая, что она сейчас чувствует, потому что, хотя он был намного старше ее, это был набор новых для него эмоций, и он чувствовал огромную благодарность за возможность испытать их.

Масацу несколько раз похлопал Генге по плечу, и они обменялись понимающими взглядами. Он, казалось, был в гораздо лучшем состоянии, чем раньше, так как его вера в отца оказалась не безосновательной, и, несмотря на все трудности, его отец одержал победу. Не было в мире опыта, который мог бы принести молодому человеку большую гордость.

Приветствия толпы, сопящая Рин и энергичная Фукку. Хотя это и не было тем, что Бах мог бы включить в один из своих концертов, это определенно была симфония звука, которая казалась совершенством для всех присутствующих.

Накатане с удовлетворением наблюдал за происходящим. Это были его люди, и это была его деревня. Они одержали победу над волнениями, вызванными жителем соседней деревни, и снова собрались вместе, как и следовало.

Акико почувствовала, что начинает волноваться, наблюдая за юношеской энергией, с которой Фукку и Морохира держали друг друга, и подумала, будет ли когда-нибудь для нее такая сцена.

Мгновение спустя ее отец встал, обращаясь к толпе и чувствуя удовлетворение в словах, которые он произнес.

- Слушайте меня, люди Тойона. Этот человек перед нами - Миура Морохира.

Его слова были встречены бурными аплодисментами, а толпа выкрикивала имя победителя.

- На глазах у всех присутствующих он одержал победу в поединке над Кегоку Суэмочи.

Снова раздались радостные возгласы, когда толпа проклинала Кегоку и его отсутствие чести во время дуэли.

Генге не мог не покачать головой, поражаясь непостоянству масс.

- Мало того, он сделал это, когда все шансы были против него!

Снова раздались радостные возгласы, но он продолжал говорить, перекрывая их.

- И согласно условиям дуэли, Миура-кун освобождается от всех обвинений, а грубый Кегоку оказывается лжецом!

Толпа становилась все более ненавистной к поверженному Кегоку, некоторые тянулись к нему.

Хотя это может быть неприличным изменением отношения к вам, для людей того времени дуэль была священным обрядом. Если кто-то сражается за идею и побеждает, то только в том случае, если боги пожелают, чтобы это было так.

Четверо подчиненных Кегоку должны были прорваться в кольцо и протащить своего бессознательного союзника сквозь толпу. Люди умирали от желания засыпать его тело свежей порцией синяков, но Накатане позаботился о том, чтобы людям позволили пройти сквозь толпу, потому что это было благородно.

С этими словами он объявил о завершении событий этой ночи, а также кое-что еще.

- В благодарность Миуре-куну за великолепный бой, моя личная медицинская бригада будет ухаживать за ним.

Толпа издала удивленный возглас, прежде чем они начали кивать. Это была большая честь, но, вероятно, это было самое подходящее решение.

Затем он начал разгонять людей, прежде чем подойти к Морохире, за которой в данный момент присматривала Фукку, чтобы выразить свое почтение.

- Ты храбро сражался, Миура-кун. Действительно, очень храбро. Редко можно встретить человека, который пошел бы на такое ради победы.

Морохира вежливо выслушал его и сделал все возможное, чтобы ответить, несмотря на боль, которую это принесло.

- Благодарю вас... очень ... господин.

Накатане понимающе кивнул, понимая, как ему, должно быть, больно говорить.

- Твой стиль боя действительно замечателен... эта последняя демонстрация, после того как ты его обезоружил? Великолепно, поистине великолепно.

Раненый кивнул в знак признательности с легкой улыбкой и поклоном, потому что это было все, что он мог сделать.

Конечно, господин не собирался обижаться на такой жест.

- Ты, вероятно, один из лучших невооруженных бойцов во всей Микаве. Для меня будет честью, если ты будешь служить под моим началом, когда мы начнем вторжение на Ода.

В ответ прозвучало слабое, - да, сэр.

Затем господин повернулся к его сыновьям, оценивая их еще раз по очереди, задаваясь вопросом, обладают ли они каким-либо мастерством, которым обладал их отец.

Сначала он заговорил с Масацу, отметив его рост и широкие плечи, и кивнул самому себе, отметив напряженность и твердость его взгляда и роста.

- Ты, кажется, сильный парень. Есть ли у тебя хоть какое-то умение, которым владеет твой отец?

Масацу слегка поклонился, услышав вопрос господина.

- Мой отец научил меня кое-чему, но пока я остаюсь непроверенным, так что не смею сказать.

Он снова поймал себя на том, что мысленно кивает в ответ на скромность мальчика. У него была грация, не свойственная крестьянину.

Он мельком взглянул на Рин, мысленно отметив ее красоту, прежде чем повернуться к Генге.

Он немного помолчал, не зная, что сказать.

- Ну, полагаю, все вышло так, как ты и ожидал, а?

- Возможно, как я и надеялся. Не совсем так, как я ожидал. Сегодня я понял, что пытаться предсказать слишком много так же глупо, как и вообще ничего не предсказывать.

Бровь была поднята в ответ на эти слова, которые содержали степень глубины, которая была неуместна для такого молодого человека.

- У тебя есть мудрость, превосходящая мудрость годовалого ребенка. Это и то, как ты говорил со мной раньше. Я не могу не задаться вопросом, может быть, у тебя был учитель? Кто-то, кто учил тебя путям философии?

Генге не знал, как на это ответить. С людьми, которых он уважал, он старался быть как можно более честным. Истинным ответом было бы: да, в детстве у него были учителя. Но никто не учил его философии и тому подобному.

- Нет, боюсь, что нет. Я благодарю вас за то, что вы так высоко меня оценили, хотя, боюсь, я этого не заслуживаю.

Накатане посмеялся над этим. Он воспринял комплимент с большой долей изящества, хотя это было совсем не так, как у его брата. Он добродушно похлопал его по плечу, прежде чем предположить, что им, возможно, пора отправляться на покой.

Толпа уже начала расходиться, и вскоре они последовали за ней. Акико, Накатане и их охрана вскочили на коней и поскакали обратно к особняку - хотя, конечно, не раньше, чем попрощались.

Прежде чем уйти, Акико успела шепнуть на ухо проходившему мимо Генге, напомнив ему об их обещании.

Генге посмотрел ей в глаза и серьезно кивнул. Он был перед ней в неоплатном долгу и обязательно вернет его.

Рин заметила этот обмен репликами и нахмурилась, гадая, какие отношения связывают ее брата с дочерью аристократа.

Оба мальчика поддерживали отца - все, кроме того, что несли его - обратно к себе домой, и полчаса спустя команда из трех медицинских специалистов прибыла, чтобы осмотреть его раны.

Испытывая некоторое любопытство относительно того, как работает средневековая медицина, Генге решил остаться и наблюдать за медицинской процедурой.

Одна женщина восприняла это как пренебрежение и упомянула об этом.

- Ты действительно думаешь, что господь захочет, чтобы мы причинили вред твоему отцу? Тебе незачем оставаться и защищать его.

В ответ он лишь покачал головой.

- Нет, мне просто интересно, как работает врач.

Она приподняла бровь, по-видимому все еще не веря ему, но предпочла промолчать, просто продолжая выполнять свою задачу.

В некоторых местах потребовалось наложить несколько швов и перевязать всевозможные раны. Он позаботился о том, чтобы ничего не обернули вокруг груди Морохиры, чтобы позволить его сломанному ребру зажить должным образом.

И вскоре они закончили, и в заключение улыбающаяся Фукку принесла им поднос с рисовыми шариками - которые они любезно приняли - чтобы поблагодарить их за тяжелую работу.

Вскоре они вышли, и семья осталась одна, собравшись в маленькой комнате вокруг кровати, на которой лежал Морохира.

Генге облегченно вздохнул, и вскоре остальные члены семьи ответили ему тем же. Они были рады, что все закончилось, и к тому же измучены.

<http://tl.rulate.ru/book/33825/1006217>